

Автор: Сергей Кислов

Неважное

- ... решил иск удовлетворить в полном объеме. Взыскать с гражданина Поликарпова Виктора Рудолфовича сто семьдесят шесть миллионов двести сорок четыре тысячи один рубль и семнадцать копеек, – нависающая над маленьким человеком развесистая мантия с очками походила на старуху с косой – иссохшаяся, она явно скрывала под черными одеяниями безусловно безобразную и тощую фигуру, - решение может быть обжаловано в течение одного месяца с момента изготовления в полном объеме, - закончила объявлять судебный акт судья районного суда.

Не было ни звенящей тишины, ни сердечного приступа. Какой-то железный то ли звук, то ли вкус поднимался парами ртути от пяток до макушки Виктора Рудолфовича.

Он поднялся и стал помогать своему судебному представителю собирать уже ненужные бумаги со стола. Оппонент же быстро, радостно, почти вприпрыжку выбежал из зала суда, чтобы успеть сообщить клиенту – его, мол, взяла!

Александр, судебный юрист Виктора Рудолфовича, немного покраснелся – ему предстояли тяжелые пара минут – надо успокоить клиента, дать надежду на то, что решение суда еще можно отменить, но при этом не сильно обнадеживать, чтобы не усугублять свое положение на случай наиболее вероятного неуспеха в будущем.

- Виктор Рудолфович, вы не расстраивайтесь. Даже если решение останется без изменений, вступит, так сказать, в силу, то вас просто ждет процедура банкротства... - начал Александр.

- Несостоятельности – выдул воздух из себя Виктор Рудолфович.

- Да. Банкротства, иначе сказать, несостоятельности, – согласился Александр, мучительно вспоминающий только что утраченный мысленный мостиком к ранее задуманному завершению диалога с неудачливым клиентом.

- Полной материальной несостоятельности... Александр, Вы не переживайте. Мы обсуждали такую возможность. Мне, конечно, в голову не могло прийти, что с меня можно попросить так много денег... Впрочем, тем более казалось невозможным, что суд найдет в себе силы взыскать с меня эту сумму. Вместе с тем – давайте я до понедельника приду в себя, и мы с вами обсудим планы на обжалование и возможное банкротство. Я же понимаю, что это только начало!

Виктор Рудолфович, закончивший слишком долгий, а главное неуместно энергичный диалог, кажется, совсем кончился.

Вздыхнувший почти во всю грудь не только мысленно Александр, практически сразу растворился.

Виктор Рудольфович же заметил, что вслед за банальным исчезновением Александра с ним случилось еще ряд пренеприятнейших потерь.

Сначала пропали деньги. Буквально все и сразу. Ему рассказывали что-то про какие-то определения, обеспечительные меры, суды. Но это было и скучно, и непонятно. Весело и ясно становилось тогда, когда раз за разом из раза в раз повторяющиеся упражнения по оплате элементарных бытовых нужд заканчивались уточнением текущего баланса на каждом из открытых Виктором Рудолфовичем счетов. Результат был категорично кругл и толст – ноль.

Следом за этим из его жизни вышли все адвокаты, юристы, правозащитники, давние друзья или вернее древние знакомцы... и наконец-то покинул кот.

Виктор Рудолфович близко к сердцу пережил акт самоубиения кота. Абиссинец Сириус был породистой кошкой, красивой. По совпадению совершенно идиотского порядка в ночь, предшествующую приходу судебных приставов для того, чтобы очистить квартиру от имущественных и драгоценных обременений, Сириус в азарте кошачьей игры запрыгнул на подоконник, пробежался, сделал весьма эффектный прыжок за пролетающим комаром и угодил в капкан приоткрытого окна. Испустив немного крови и окончательно дух где-то в три часа ночи, Сириус испортил не только настроение кредиторов Виктора Рудолфовича на несколько десятков тысяч рублей, но серьезно обесточил нематериальную (душевную) состоятельность должника.

Его не интересовали ни приставы, которые не понимали истинной ценности усопшего кота Сириуса; ни документы, которые вяло констатировали, что имущества совсем недостаточно; ни вечер, который пришел вслед за покинувшими квартиру блюстителями повелений Фемиды.

Потом пропало все остальное. Всего было не жалко в отличие от кота. О факте пропажи всего остального Виктор Рудолфович узнал уже не в районном суде, а в более помпезном, но таком же безразличном и холодном по отношению ко всему, что касалось его лично. Супротив живого и разумного человека, невиновного ни в чем предосудительном, против него одним словесным извержением была введена процедура банкротства.

- Кажется, что теперь, я и в самом деле полностью несостоятельный, а значит, почти недееспособный – пробормотал Виктор Рудолфович. В коридоре перед залом суда его никто не слышал. Он был один.

- Не ной, несостоятельно недееспособный – весело подтрунил проходивший мимо мужчина. Он даже не шел, а как-то весело прыгал, уверенно так... и очень бодро.

- Простите, - начал Виктор Рудолфович, ...

- Всех, кому должен прощаю, - рассмеялся незнакомец, а потом с окрыляющей, искренне предрадоющейся своей остроумности, растянувшийся до ушей улыбкой, закончил, - уже в третий раз кстати!

Виктор Рудолфович невольно заразился чем-то позитивным. Кажется, что сквозь суровое бизнес-небо Москвы на него снизошел лучик надежды. А она в этом городе гость не то, чтобы частый. Образ старой, черной с косой развеялся в голове. Виктор Рудолфович сосредоточился на воображаемой прямой, отрывающейся от кончика носа и устремляющейся куда-то наверх, буквально оттолкнулся всей душой от бренности бытия и улетел.

- Кому, блин, вообще нужны эти деньги?! – неловко выдохнул Виктор Рудолфович, а на вдохе он уже вошел в новую жизнь.